

Памяти Геннадия Ашина

XVII «Шишкинские чтения»: «Элиты и нравственность»

О.В. Гаман-Голутвина, В.С. Глаголев, К.М. Долгов,
С.А. Кравченко, Е.В. Охотский, А.Н. Самарин, А.В. Шестопал

Доброй традицией МГИМО-Университета является почтительное отношение к памяти коллег, работавших в его стенах. В развитие этой традиции состоялись организованные кафедрой философии в содружестве с кафедрой сравнительной политологии МГИМО XVII «Шишкинские чтения», которые традиционно проводятся в память известного российского этика А.Ф. Шишкина, основателя кафедры философии нашего Университета. Нынешние чтения были посвящены памяти ушедшего из жизни в 2011 г. профессора кафедры философии Г.К. Ашина. Учитывая традиционную этическую направленность «Шишкинских чтений» и тематический профиль теоретических работ профессора Г.К. Ашина, фокусом научного собрания стала тема «Элиты и нравственность». В настоящем материале вниманию читателей предлагаются дайджесты выступлений О.В. Гаман-Голутвиной, В.С. Глаголева, К.М. Долгова, С.А. Кравченко, Е.В. Охотского, А.Н. Самарина, А.В. Шестопала. Полная версия дискуссии содержится в электронном издании, с которым можно ознакомиться по адресу: http://sociognosis.narod.ru/docs/17_Shishkinskie_chtenija.htm

Алексей Викторович Шестопал, д.филос.н., профессор, заведующий кафедрой философии МГИМО

Мы начинаем работу наших традиционных «Шишкинских чтений». В этом году мы проводим 17-е чтения в память основателя нашей кафедры, известного российского этика Александра Федоровича Шишкина. Александр Федорович не только создатель кафедры, но и воспитатель целой плеяды крупных философов, социологов, политологов, один из тех, с кем связано создание научных школ нашего Университета.

Надо сказать, что Александр Федорович в свое время совершил прорыв в наших этических представлениях. Две его книги – более ранняя «XX век и моральные ценности человечества», написанная в соавторстве с профессором Шварцман, и его итоговый труд «Человеческая природа и нравственность» – начали переход от узкоклассового подхода к проблематике общечеловеческих ценностей в нашей отечественной науке. Без этих работ постановка вопроса о глобальной этике если бы и состоялась в России, то много позже. Книги Шишкина пробивали себе дорогу с большим трудом в обстановке очень непростой дискуссии, которая разворачивалась в 1960–1970-х гг. (а первые статьи

Александра Федоровича на эти темы относятся еще к 1950-м гг.). Эти работы составили особую эпоху в отечественной этике.

Каждый год мы берем для наших чтений тему, так или иначе связанную с проблематикой этики, нравственности. Вместе с Дипломатической академией мы не раз рассматривали проблемы этики и международных отношений. Мы ставили проблемы «Этика и международное право», «Этика и международные экономические отношения». Сегодня мы выбрали формулировку «Элиты и нравственность». Почему? Во-первых, потому, что эта тема необычайно актуальна в современную эпоху. Но был и еще один повод. Почти год тому назад, в январе, на Рождество 2011 г. ушел из жизни один из наиболее видных учеников Александра Федоровича – профессор, заслуженный деятель науки РФ и почетный профессор МГИМО Геннадий Константинович Ашин. Он принадлежит к когорте первых выпускников нашего университета, среди которых мы встречаем и академиков – создателей институтов Академии наук, и ученых, с именами которых связаны крупные научные школы.

С именем Геннадия Константиновича связано создание отечественной элитологии. В нашей стране именно он заложил основы исследования элит

■ Философия

и в теоретической, и в практической плоскостях. Сейчас это многочисленная, широко развернувшаяся школа, которая восходит к работам Геннадия Константиновича. Всем советую ознакомиться с его итоговым трудом «Элитология: история, теория, современность». Это прекрасная книга, вышедшая совсем незадолго до его ухода из жизни, которая отражает и историю элитологии, и современное ее состояние в мире и в России.

Я хотел бы предоставить первое слово Оксане Викторовне Гаман-Голутвиной. Оксана Викторовна заведует кафедрой сравнительной политологии нашего университета, является президентом Российской ассоциации политических наук и именно она приняла у Геннадия Константиновича эстафету лидера отечественной элитологии.

**Оксана Викторовна Гаман-Голутвина,
д.полит.н., профессор, заведующая кафедрой
сравнительной политологии МГИМО,
президент Российской ассоциации политических наук**

Я думаю, что для нового поколения исследователей (бакалавров, магистров, аспирантов) Александр Шишкин и Геннадий Ашин – наглядный пример верности науке тех, кто привнес в нее значительный вклад. Это стандарт и научной ответственности, и научной добросовестности, и хотя он задает очень высокий уровень требований, все же ниже этой планки опускаться нельзя.

Что касается темы нашей сегодняшней встречи, позвольте мне, открывая разговор, затронуть несколько сюжетов. Если мы говорим об элитах, то существуют проблемы и содержательного, и методологического характера, которые зачастую затрудняют конструктивный диалог. Я бы начала с того, что есть пересечения лексики обыденного языка и категориального аппарата социального знания. Если об «элите» говорит культуролог или социальный философ, то он исходит прежде всего из ценностного подхода: элиты – это лучшие, избранные. Манифестом такого подхода является известная работа Хосе Ортеги-и-Гассета. Если исследование элит начинается социолог, то для него элиты – это прежде всего группы, занимающие высшие позиции в социальной иерархии. Если же к изучению элит обращается политолог, для него наибольший интерес представляют политические элиты, то есть группы, обладающие властью.

Примиришь различные измерения можно, признав существование разных категорий элит в современном обществе. Существует экономическая элита, контролирующая экономические ресурсы, и одновременно есть интеллектуальная элита – группы, задающие повестку дня. Конечно, в современных условиях их различие затруднено. Сегодня и в российском, и в других обществах повестку дня задает скорее не интеллектуальная элита, а экономическая, бизнес-элита. Далее, политическая элита, безусловно, важный компонент структуры общества. И наконец, профессиональные элиты – «сливки» профессиональных сообществ. В соответствии с этим многообразием вы-

страивается множественность методологических парадигм, призванных представить видение элит с разных точек зрения и в рамках различных дискурсов.

Исторически, вне всякого сомнения, доминирующим был ценностный подход, которому близок меритократический критерий. Но в современном обороте популярность приобрел структурно-функциональный подход. С 1940-х гг., начиная, пожалуй, со знаменитой работы Бернхэма «Революция менеджеров», внимание также привлекала концепция технократии. Но к концу XX в. победителем оказался структурный функционализм, рассматривающий в соответствии с десизионным критерием в качестве элиты тех, кто фактически принимает решения.

Занимаясь исследованием элит на протяжении более чем 15 лет, я последовательно выступала сторонником этого направления. Но, откровенно говоря, в последние годы я вижу в нем все больше ограничений. Конечно, мы не можем им пренебречь, но все четче обнаруживается необходимость дополнить его ценностным или меритократическим измерением. Мои исследования привели меня к убеждению: если элита не ощущает того, что можно назвать миссией, то, сколь бы могущественной она ни была, сколь бы важные стратегические решения ни принимала, она рискует остаться сообществом частных лиц, обладающим доступом к рычагам государственного управления. Миссию можно понимать по-разному, но она не может состояться без осознания своей роли в контексте истории, без особого видения будущего, без крупного стратегического проекта. Этот проект может не быть предъявлен обществу, но вне такого видения элита не может состояться.

Другое измерение миссии, неразрывно связанное с первым, – это этическое измерение: элита должна ощущать свою ответственность перед социумом. Это кажется очевидным, но если предметно анализировать этическое измерение сознания элиты, то проблема окажется далеко не надуманной. Приведу несколько исторических примеров. Относительно недавно были раскритикованы архивные данные, свидетельствующие, что президент США Франклин Делано Рузвельт, видимо, все же имел информацию о планируемом нападении японцев на Перл-Харбор, однако не предпринял никаких шагов для того, чтобы это нападение предотвратить. Что это: вопиющая этическая несостоятельность или своеобразное понимание этики в политике, не сводимое к обыденному? Думаю, что второе.

Другой пример. Известно, что английские криптографы имели доступ к переписке немецкого генерального штаба на протяжении значительного периода Второй мировой войны и англичане обладали информацией относительно того, какие именно города Великобритании могут быть подвергнуты бомбардировкам. Конечно, сегодня мы можем рассуждать об этом только в вероятностных категориях, но есть материалы, которые указывают на то, что премьер-министр Великобритании

Уинстон Черчилль, располагая такого рода данными, не приложил усилий, чтобы предотвратить бомбардировки ряда городов. Это тоже этическая несостоятельность? Не думаю – скорее, прагматичный политический расчет.

Можно привести и более близкие нам эпизоды. Пожалуй, одним из наиболее дискуссионных в политическом и этическом плане является заключение знаменитого пакта Молотова–Риббентропа 23 августа 1939 г. Трудно найти другой документ XX в., который вызывал бы столь разноречивые оценки. Что стоит за этим шагом – этическая неразборчивость и готовность на союз с дьяволом или политический прагматизм? В любом случае сейчас очевидно, что этот спорный шаг оттянул начало боевых действий почти на два года, которые были использованы для развития оборонной промышленности и перевооружения СССР, а значит, спасли человеческие жизни.

Такого рода примеры показывают, что этическое измерение сознания и деятельности политических элит не является надуманной проблемой. Я не разделяю точку зрения тех, кто считает, что политика по определению безнравственна. Полагаю, что между политической моралью и приватной нравственностью есть как общие моменты, так и серьезные различия. Общим является то, что в обоих случаях речь идет об этических регулятивах, однако обладающих различной спецификой функционирования.

Конечно, личная нравственность политика имеет значение, но все же для общества важнее нравственность проводимой политики. Интересы общества – это тот оселок, на котором ее можно проверить. Гегель был прав, когда писал о том, что мораль мирового духа не тождественна нравственности отдельных лиц. В мировой культуре есть примеры постановки такого рода проблем. Может быть, ключевой среди них – Родион Романович Раскольников. Возможно ли имплантировать нормы политической морали в обыденную жизнь – вот в чем заключался смысл эксперимента Раскольникова. Ведь не за деньгами он пошел к старухе-процентщице, а чтобы доказать, что он принадлежит, говоря языком Гегеля, к категории всемирно-исторических личностей. Но вывод Достоевского очевиден: имплантировать принципы политической морали в обыденную жизнь невозможно.

Для христианского мира критерии приватной нравственности могут быть суммированы десятью заповедями, но применительно к политике все не так просто. Если занять позицию, строго соответствующую заповедям, то мы можем столкнуться с императивом упразднения государства. Давайте зададимся вопросом: как отнестись к ближнему, который следит за нами, досматривает нашу переписку, пытается контролировать и регламентировать нашу жизнь? А ведь ровно это совершает любое государство, хотя и разными методами и в разной степени. Но в любом случае именно государство надзирает и наказывает, если воспользоваться знаменитой метафорой Мишеля Фуко. И, пытаясь имплантировать десять заповедей в

политический процесс, не превратимся ли мы в безнадежных политических утопистов?

Еще один пример из американской политики. Билл Клинтон, занимавший с 1992 по 2000 г. пост президента США, – сложная фигура. С одной стороны, это образец того, как человек из социальных низов сумел подняться на политический олимп благодаря личной одаренности. Его мать была медсестрой, отца своего он не помнит, брат погиб от передозировки наркотиков. Но благодаря способностям ему удалось получить блестящее образование и привлечь к себе внимание. Он дважды избирался на высший государственный пост США, но стал вторым президентом в истории США, против которого была запущена процедура импичмента. Первый случай, как известно, имел место в 1868 г. против президента Эндрю Джонсона. Так вот любопытно, что даже в 1998–1999 гг., в разгар сексуального скандала вокруг Клинтона, рейтинг его популярности не опускался ниже 50–60%. Свидетельствует ли это о вопиющей аморальности американского социума? Думаю, нет. Американское общество очень чувствительно к теме семейных ценностей. В каком-то смысле оно строже, чем российское, а американская глубинка вообще может показаться пуританской. Но средний американский избиратель очень четко разводит измерения фигуры Клинтона – как частного лица и как президента.

Период его президентства совпал с эрой процветания американской экономики, когда профицит американского бюджета достигал 300 млрд долл. Напомню, что в это же время весь бюджет Российской Федерации был равен бюджету Нью-Йорка (примерно 20 млрд долл.). Средний гражданин США почувствовал при Клинтоне, говоря словами известного исторического персонажа, что «жить стало легче и веселее», и занял весьма прагматичную позицию: да, с точки зрения семейных ценностей Клинтон не является образцом добродетели, но он – эффективный управленец. Оставим в стороне вопрос о том, в чем был секрет процветания американской экономики, – связан ли он с качеством политического управления или с цикличностью экономического развития. Рядовой гражданин в США или где-либо вообще редко погружается в глубокий экономический анализ. Традиционное обыденное сознание склонно скользить по поверхности, и в нем процветание экономики ассоциировалось с фигурой Клинтона, что определило вектор общественных симпатий в пользу президента.

Еще более причудливое сочетание нравственности приватной и политической мы могли наблюдать в Италии. Совсем недавно ее премьер-министром был веселый человек – Сильвио Берлускони. Его фигура далеко не столь однозначна, как может показаться на первый взгляд. На протяжении последнего года своего премьерства он получил много ударов, в том числе буквальный и символический. Во-первых, на площади перед Миланским собором сувенирной, но увесистой копией этого собора его ударил по лицу один ма-

■ Философия

лоуравновешенный гражданин. Символическим ударом стало выступление сына бывшего мэра Палермо, который заявил о том, что его отец имел общий бизнес с Берлускони. Этот бывший мэр был одним из крестных отцов сицилийской мафии, и, по мнению экспертов-криминологов, упомянутые удары по репутации и физиономии премьер-министра были связаны с тем, что тот сумел посадить за решетку 21 крестного отца мафии из 32 существующих в Италии и конфисковать у них собственность на 6 млрд долл.

Есть, конечно, и обратные примеры (в том числе в отечественной истории), которые показывают, что политик в личностном измерении может быть образцом добродетели, однако в управленческом измерении оценивается совершенно по-другому. В целом же этот контекст показывает многоплановость этических проблем в рекрутировании политических элит. Этическая составляющая, скажем, бизнес- или корпоративных элит – важная сторона дела, но все же она в меньшей степени затрагивает публичные интересы. Поэтому вопрос сопряжения этики и политики не является достоянием только настоящего или только прошлого – это проблема из разряда тех, что будут актуальны всегда.

Сергей Александрович Кравченко,
д. филос. н., профессор, заведующий кафедрой
социологии МГИМО

Я думаю, что творчество Геннадия Константиновича как гуманиста, философа, социолога, конечно, выходит за рамки исследования элит. Уверен, он смотрел на мир, на человеческое мироздание значительно шире. И эта сторона его творчества пока остается мало изученной. В силу разных причин он на этот счет не писал или писал мало, но в личных беседах эта тема поднималась. Я знал Геннадия Константиновича порядка 25 лет, он был официальным оппонентом по моей докторской диссертации, но еще до моей защиты он поделился со мной мыслью, которая меня просто шокировала. Представьте себе: середина 1980-х гг., вся литература по обществоведению крутится вокруг законов общественного развития, закономерностей строительства социализма, а Геннадий Константинович говорит: «А ты подумай, Сергей, есть ли вообще социальный закон? По моему глубокому убеждению – нет. Ничто не доказывает, что эти “объективные” законы существуют».

Сегодня мы знаем об эффекте «стрелы времени», который открыл Илья Пригожин: любая материя (и неживая, и живая, и особенно социальная материя) развивается не только ускоряющимися темпами, но и усложняющимся образом. Для меня же первым, кто сказал, что на процессы современного мироздания нужно смотреть иначе, был Ашин. Пораженный, я не сразу смог принять такую точку зрения. По всем учебникам меня учили: Европа – центр мироздания, и все человечество пойдет по европейским законам развития. Но со временем я все больше переходил на позицию Геннадия Константиновича. Сейчас же мировая социологическая мысль четко заявила, что евроцентризм просто невозможен в современном

сложном мире. В нашем XXI в. вы ни на одном социологическом форуме не найдете секцию, которая была бы посвящена законам общественного развития. Скажем, VI Европейская социологическая конференция, состоявшаяся в 2003 г. в Мурсии (Испания), прошла под девизом «Стареющее общество – новая социология». Что значит «общество стареет»? Это старение идет не только в демографическом смысле, но и в том плане, что те тенденции, которые казались универсальными, стремительно устаревают. Заглавной темой XVI Всемирного социологического конгресса, который состоялся в 2006 г. в Дурбане (ЮАР), было «Многообразие социального мира». Уже сама постановка вопроса о многообразии модерна и постмодерна может служить подтверждением идеи Геннадия Константиновича, по которой социальные законы не «объективны», а ограничены историческими и культурными рамками существования.

Последний, XVII Всемирный социологический конгресс проходил на тему «Социология в движении». Почему «Sociology on the move»? Да, потому что социум радикально, качественно изменяется, требуются совершенно новые социологические подходы, чтобы анализировать сложный социум, где нет прямолинейных тенденций и корреляций. Последний же Европейский социологический конгресс, который состоялся в этом году в Женеве, вообще прошел под заглавием «Социальные отношения в турбулентные времена». Основная мысль этого конгресса в том, что если прежде социологи, практически вплоть до Парсонса, исходили из того, что общество самоорганизуется, движется к балансу, то сегодня их позиция заключается в том, что социум хаотизируется, хотя вместе с тем и возникают новые регулятивные реалии, создающие возможность управлять этим хаосом.

Еще я хотел бы сказать, что Геннадий Константинович четко проводил мысль о релятивности нравственности. Он всегда подчеркивал, что нравственность культурно обусловлена. В этом контексте хотелось бы рассказать пару сюжетов, с которыми мы с Геннадием Константиновичем столкнулись в Соединенных Штатах. В одной из поездок заведующий кафедрой социологии Джорджтаунского университета – мы были в Вашингтоне – назначил нам встречу. Мы пришли примерно за десять минут, сидим в приемной, а заведующий – маститый профессор, специалист по криминальной социологии – беседует с аспиранткой. Дверь открыта, и мы – невольные слушатели разговора. Кто-то из нас встал и закрыл дверь. Но американский коллега открыл дверь заново. Тут-то мы поняли, что дело сложнее, и нравственность в данной ситуации релятивна. То, что нам представлялось порядочным, нравственным, для американцев выглядело иначе. Для них острее проблема сексуальных домогательств, и, дабы не навлечь на себя подозрение, люди поступают иным образом. Правда, Геннадий Константинович мне прямо сказал: «Знаешь, мне такая нравственность до лампочки». С чем я в принципе согласился.

С учетом того, что наша сегодняшняя встреча

посвящена прежде всего проблемам элит, хотел бы остановиться еще на одном сюжете. В другой поездке мы были в Нью-Йорке и зашли в университет, в котором работал великий Роберт Мертон. Его на кафедре не было, но по совету сотрудницы мы ему позвонили, и, к нашему удивлению, он согласился нас принять. Жил он в доме на территории Университета, и через 10 минут мы были у него в квартире. В нашей беседе нам удалось обсудить две основные темы. Одну задал великий Мертон, другую – великий Ашин. Тема Мертона касалась социологии научных открытий. К тому времени он уже написал книгу «On the Shoulders of Giants» («На плечах гигантов»), где социологическими методами проследил тенденции, которые предопределяют, совершается какое-либо научное открытие или нет. Беседа была долгой и закончилась посещением ресторана, где, несмотря на наше активное возражение, за обед платил Мертон.

Изложенная им точка зрения заключалась в том, что открытие совершается, когда человек имеет существенную подготовку в какой-то области, но затем переходит в другую незнакомую, малоизвестную ему сферу. Получается, что он, с одной стороны, обладает определенным знанием, имеет свой особый подход, а с другой – работает в новой области, в которой он не зашорен, не подвержен стереотипам. И часто именно на таком стыке происходит открытие. Оговорившись, что лучше бы, конечно, не говорить о своей семье, Мертон все же привел в качестве примера собственного сына.

Роберт Мертон-младший входил в двадцатку ведущих математиков Америки, но, видно, лавры отца, который по общему признанию был социологом номер один в мире, не давали младшему Мертону покоя, и уже в зрелом возрасте он решил с нуля учиться экономике. Он подал бумаги в ряд университетов, в двух из которых с ним согласились побеседовать. Предложенные ему задачи он решал, руководствуясь своими математическими знаниями и здравым смыслом. Эти решения сразу же были приняты к опубликованию. Далее пошел рост, и в итоге Мертон-младший стал лауреатом Нобелевской премии. Кстати, благодаря гостеприимству Мертонов у нас с Геннадием Константиновичем была возможность рассмотреть медаль Нобелевского лауреата, держа ее в руках.

Вторая тема, поднятая Геннадием Константиновичем, на мой взгляд, до сегодняшнего дня остается недооцененной российской социологией. Речь шла о принципиальной разнице между элитностью и элитарностью. По мнению Ашина, элитарность предполагает, что судьба, традиции или махинации вынесли человека на вершину, и он с точки зрения структурного функционализма получает право принимать решения. Геннадий Константинович был категорически против такой точки зрения, утверждая, что «элитарная» элита не есть элита. Настоящая элита – это люди, победившие в нравственной интеллектуальной конкуренции. Разумеется, нравственность определяется в контексте той или иной культуры, но, на мой взгляд, это различие понятий элитарности и элитности

особенно актуально сегодня.

Последняя работа Геннадия Константиновича посвящена элитному образованию. За что он ратовал? Конечно, за сочетание образованности и рациональности, за то, чтобы и то, и другое содействовало гуманистический компонент, который выхолщивается из наших отношений. Эта идея роднит социологию Мертона и Ашина. У первого есть идея, что формальная рациональность – это обучение неспособности к творчеству. И Геннадий Константинович всегда выступал за то, чтобы образование было нацелено на развитие человека, чтобы рациональность была не формальной, а было сочетание субстантивной рациональности с рациональностью ценностной. Это путь к тому, чтобы «элитарная» элита уступила место элите нравственной. Думается, что со временем так или иначе, тем или иным путем эти идеалы Геннадия Константиновича, великого гуманиста, великого философа, все же будут материализованы в нашем обществе.

**Константин Михайлович Долгов,
д.филос.н., профессор, заслуженный деятель
науки РФ, главный научный сотрудник Ин-
ститута философии РАН**

Геннадий Константинович Ашин был действительно человеком нашей подлинной элиты, так же как и Александр Федорович Шишкин. Я не знаю, правомерно ли говорить о разных версиях элит. Элита всегда одна, потому что все остальное, что называют финансовой, политической элитой, на самом деле к элите не имеет никакого отношения. Если всерьез говорить об элите, то начинать надо с того, что главные ее признаки заключены в самой глубокой, в самой утонченной и в самой универсальной нравственности. Элита – это такая общность, которая на протяжении многих десятилетий и столетий развивает и передает соответствующие знания, мироощущение, мирозерцание и мировоззрение. Вот что такое настоящая элита.

И эта элита существует всегда, она в известной степени независима ни от какой политической системы. Возьмите Древний Египет, египетскую «Книгу мертвых». Вы найдете там 42 заповеди: «Я никогда не богохульствовал, я никогда не лгал, я никогда никого не обижал, я не мужеложствовал, я никого не обмеривал, не обвешивал, не притеснял» и т.д., и это уже много тысячелетий назад. Возьмите древнекитайскую культуру: благородные мужи формируют все общество, его интеллектуальный и культурный потенциал. Основные качества у них – те же самые. Возьмите Древнюю Грецию, близкую, даже родную нам, потому что и европейская культура, и Русь вышли из этого основания, посмотрите на этот мир, какая элита была в Древней Греции.

Другой случай – древний памятник Авеста – ведь именно отсюда пошел Заратустра. И посмотрите, есть три принципиальные вещи, которые и нам очень подходят, – это благая мысль, благое слово и благое дело. Благо – высшая категория всей философии Платона и всей Древней Греции. Где

■ Философия

сейчас эта категория, кто о ней сейчас пишет или говорит? Она исчезла из всей европейской культуры. Если мы обо всем этом забываем, если мы об этом не пишем, не говорим, то о какой элите может идти речь?!

Как-то я был на Всемирном конгрессе матерей в Индии. Попал туда случайно, потому что находился рядом по другим делам. Я был потрясен тем, как последователи матери Терезы и другие женщины развивают свое учение на этом конгрессе. Участницы этого собрания действительно стремились дойти до сути, понять, что же такое мать, материнство и все, что с этим связано. Если мы перенесемся на нашу почву, то в русской культуре, да и вообще в любой культуре, самое главное образование – дошкольное, образование от рождения ребенка до 3–5 лет, когда он становится личностью в полном смысле слова. Школа, вуз только добавляю к тому, что у него уже есть. Воспитывают же его отец и мать – 2 священных прообраза, которые для ребенка составляют все. Отец – это, конечно, мужественный человек, который добывает средства для жизни, который строг; мать – воплощение любви, милосердия, добродушия, мягкости, нежности. И вот эти 2 прообраза воспитывают дитя, закладывают то, чего уже, по существу, вполне достаточно для того, чтобы это дитя развивалось дальше, независимо ни от чего.

В основе всего этого должен лежать творческий труд, воспитание и образование должны быть творческими. А что происходит в современном мире, а особенно в той элите, о которой говорят: финансовая, промышленная, политическая и т.д., – то есть которая представляет собой совершенно аморальный суперкласс? О чем вообще можно говорить? Следовательно, надо кардинально менять политические режимы, политическую систему современного мира. То, что сейчас существует, абсолютно непригодно и будет приводить нас к кризисам, а затем и к всеобщей катастрофе.

Вспоминаю свою беседу с Папой Римским Иоанном Павлом II. Он твердо стоял на антикоммунистических позициях, отзывался о коммунизме резко негативно, но подчеркивал, что одновременно выступает и против капитализма. Я знал, что он против сурового капитализма, но то, что он его принципиальный противник, было для меня неожиданностью. Оказалось, по его мнению, ни капитализм, ни социализм не соответствуют духовной структуре человека. По его мысли, заменить эти два строя должна ассоциация трудящихся, которые своим трудом создают все материальные и духовные ценности. Элита, в его понимании, – это те, кто честно трудится и честно зарабатывает свой хлеб.

И самое главное. Опять обращаюсь к Древней Греции, к ее демократии. Демократия – это власть народа, но нет такой страны в современном мире, где это было бы реальностью. А древние греки были очень умными: у них была такая вещь, которая называлась «исономия». Это считалось самым главным в Древней Греции, а вовсе не демократия. Демократия, полагали древние, это худший тип государственного устройства. А вот «исономия» – это

равенство всех перед законом, причем равенство, которое предполагало, что любое отклонение от него карается строго, вплоть до смертной казни. То же самое и в Ветхом Завете – любое отклонение от закона, от завета, заключенного между древним народом Израиля и Иеговой, каралось смертной казнью. Найдите сейчас хоть одну страну в современном мире, где существует равенство всех перед законом. Таких стран, к сожалению, не существует.

Я даю, конечно, беглый, черновой анализ того, что такое элита. Настоящая элита во все века, во все времена никогда не поступалась принципами – добром, красотой, свободой, милосердием, высшими ценностями, от которых нельзя отступить и которые нельзя предавать. Человек элиты никогда ни на йоту не откажется от этих высших ценностей.

Посмотрите на Льва Толстого. Почему он говорил, что надо делать добро, благо, почему важно добролюбие? Потому что высшее добро, высшее благо – это сам Бог. Достоевский говорил иначе: высшая ценность – это красота. Почему? Потому что человек не может без нее жить, какой бы он ни был: богатый, бедный, какой угодно. Соловьев говорил, что все три категории – добро, истина и красота – переходят одна в другую, эти высшие ценности диалектически связаны между собой. Высшие ценности – это не просто абстракция, они во многом регулируют эту жизнь. И как раз элита во всех сферах – в области науки, образования, культуры – создает и внедряет их в образование и воспитание молодежи с самого рождения и до зрелости и в целом в обществе.

Евгений Васильевич Охотский,
д.социол.н., профессор, заведующий кафедрой
государственного управления и права МГИ-
МО

Прежде всего разрешите выразить признательность кафедре философии, нашему коллективу философов и социологов, которые организовали нынешнее научное мероприятие в память о крупном ученом, нашем товарище и нашем учителе Геннадии Константиновиче Ашине. Очень часто в дискуссиях мы не называем имен отечественных ученых. Я был в одном университете председателем госкомиссии на выпускном экзамене и два дня подряд слушал студентов, которые в своих ответах называют авторов со всего мира, не упоминая ни одного российского исследователя, который занимался, скажем, менеджментом. Поэтому мы правильно делаем, когда говорим о своих коллегах, которые внесли очень и очень много в разработку серьезных научных концепций.

Геннадий Константинович – основоположник отечественной школы элитологии. Все мы, стремясь войти в эту научную отрасль, формировались с его помощью и под его научным руководством. Ольга Крыштановская, Оксана Гаман-Голутвина, Александр Понеделков – мы те, кто сегодня занимается проблематикой элит, особенно элиты административно-правовой, его ученики и последователи. Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Владивосток, а последние полтора – два десятка лет здесь состоялись ученые, которые профессионально за-

нимаются элитологией и вопросами политического управления, пытаются разобраться в проблемах элит, в вопросах их профессионального формирования и духовно-нравственного воспитания, смены, рекрутирования и закрепления в высших эшелонах власти. Геннадий Константинович помог нам прояснить сущность элит, их социальный статус и направленность, динамику развития, специфику правового положения правящей элиты в современной России. Он всегда занимался проблемами, которые и тогда, и сегодня актуальны и вызывают жаркие научные споры.

Любая встреча ученых по поводу элит начинается и очень часто завершается дискуссией о том, что такое элиты и существуют ли они вообще? Это действительно непростые вопросы. Если брать духовную сферу, культуру, искусство, мы можем выйти из положения, признав, что в этой сфере есть некий высокопрофессиональный и высокоавторитетный слой, который определяет направление развития данной социальной сферы. Хотя вопрос о том, насколько к нему применим термин «элита», остается открытым. Но как только мы касаемся политики, государственного управления, государственной службы, возникают серьезные проблемы.

Определить критерии элитности в этой сфере крайне сложно. По статусу люди, замещающие высокие государственные должности и решающие базовые государственные задачи, казалось бы, соответствуют элитному статусу, но по профессиональным и личностным качествам их часто очень сложно признать элитой. Иногда складывается впечатление, что в политике вообще элит нет. Если у тебя в руках огромные ресурсы и власть, о той же нравственности говорить зачастую очень трудно. Мне представляется, что, исследуя элиты, надо исследовать реальность, а не сферу желаемого. Люди испокон веков мечтали о великих правителях, нам всегда хотелось, чтобы управляли нами только самые лучшие и самые достойные, это вековая мечта человечества. Когда же мы подходим к ее воплощению в жизнь – все кардинально меняется. Нам казалось, что с победой Октябрьской революции новый общественный строй позволит вывести на элитные позиции именно лучших людей. Но исторический опыт показал, что и в этом случае не удалось сформировать подлинную элиту, которая соответствовала бы высокому уровню как в профессиональном, так и в нравственном отношении.

Сегодня проблемы формирования, трансформации и кругооборота элит остаются такими же актуальными, как и сотни лет назад. Правда, возникает такое впечатление, что внимание к элитам со стороны ученых в какой-то мере ослабло. Два десятка лет назад, когда мы начинали с Геннадием Константиновичем разработку научных основ элитологии, у нас был какой-то особый подъем, энтузиазм: вот, думалось, наконец-то мы востребованы, мы занимаемся теорией формирования класса тех, кто будет у власти будущего демократического правового социального государства. Но прошло время, многое изменилось, и этот энтузиазм как бы угас, работаем в обычном режиме. Исследуем,

делаем какие-то обобщения и теоретические выводы, но дать реальную оценку тому, что на самом деле происходит в элитных слоях управления, пока не удается.

Два дня назад Президент Российской Федерации выступает с посланием и снова возвращается к вопросам реформирования системы государственного управления. Предлагаются некоторые челночные движения: несколько лет назад отменили выборы губернаторов, но сейчас возвращаемся к ним; у нас была смешанная система выборов депутатов, затем от нее отказались, но сегодня вновь возвращаемся к той же, смешанной системе. Каждый раз все это представляем как некие новации, которые позволят нам повысить эффективность государственного управления.

Реальную тревогу вызывает, как показывают все социологические опросы, ряд актуальных проблем. Первая – это падение профессионализма государственного управления, той же правящей элиты. Ведь неслучайно наши ракеты падают, рухнула Саяно-Шушенская ГЭС, в море в штормовую погоду выводят буровые, которые тут же опрокидываются, в результате чего гибнут десятки людей. Эти и другие события происходят из-за того, что существующий уровень профессионализма не соответствует уровню современных задач и не может обеспечить их эффективного решения.

Вторая проблема – безответственность. Давайте посмотрим заседание правительства. Председатель выступает, наставления дает, а все сидят, смотрят в планшеты и компьютеры, и ни один ничего не говорит, не доказывает, не отстаивает, не возражает и не предлагает. И так целыми днями с утра до вечера. Как может министр управлять отраслью, если он постоянно находится то на одном совещании, то на другом, трудно представить.

Третье – формализм, подмена дела бумагами. Вот недавно поступает к нам в вузы на экспертизу целый ворох стандартов, которые разработал наш Союз промышленников и предпринимателей. Сколько денег ушло на их разработку? А кто их будет читать, а тем более по ним работать? Кто из вас пристально изучал последнее поколение образовательных стандартов? Огромные тома, сотни страниц убогистого текста. И всюду требования разрабатывать, писать, планировать и отчитываться. Люди, которые разрабатывают эти бумаги, потребляют государственные ресурсы, мы потом под эти формы направляем другие бумаги, и такая круговерть бесконечна. Жаль, что результат мизерный. И касается это далеко не только образовательной сферы. Куда опаснее это для хозяйственного комплекса, для реальной экономики, реального бизнеса, которые нас кормят и защищают.

Четвертое – это коррупция. О ней уже много написано и сказано. Хотелось бы обратить ваше внимание на то, что коррупция сегодня – это не только банальное противоправное аморальное деяние. Если бы это было так, то с ней было бы легко справиться. Фокус заключается в том, что сегодня коррупция осуществляется в рамках закона и на основе закона. Причем в огромных масштабах и с

■ Философия

выходом на разворывание значительной части бюджетных средств. Разве не ясно, что приватизация шла по закону? Разве мы не понимаем, что многомиллионные премии элитным руководителям и vip-менеджменту выплачиваются на основе законно принятых решений, а не из-под полы? Вопрос коррумпированности – это не только вопрос борьбы с преступностью как таковой. Это само собой понятно. Это вопрос системный. У нас сегодня сложилось как бы две системы государственного управления: одна – официальная, другая – скрытая, коррупционная. И большой вопрос, какая из этих систем более эффективная: та, которая работает официально, или та, которая функционирует в латентном режиме по преступным коррупционным схемам? В условиях такой раздвоенности общество и власть отчуждены друг от друга, граждане не доверяют своему государству. В результате все приходит в упадок – нравы, отношения между людьми, трудовая активность, служебная этика.

Пятая проблема – карьеризм. Эта проблема напрямую связана с падением профессионализма, безответственностью, формализмом и коррупцией.

Вместе все сказанное – это пять болевых точек, которые серьезно осложняют нашу жизнь. И это не мое открытие – прочитайте послание Президента, обо всем этом глава государства говорит не в первый раз. Вопрос заключается в том, сумеет ли наш лидер так организовать управление, чтобы эти болевые точки действительно стали болями для каждого из нас, чтобы каждый понял, насколько это серьезно, и определил свою позицию в сложившейся ситуации.

**Анатолий Николаевич Самарин,
к.филос.н., доцент кафедры философии
МГИМО**

Мы вольно или невольно продолжаем те темы, которые поставили выдающиеся основатели, руководители нашей кафедры. Для некоторых здесь присутствующих они, можно сказать, были духовными родителями, для других они стали друзьями. Я много лет дружил с Геннадием Константиновичем, и, конечно, мы обсуждали все этапы его элитологического взлета, развития его концепций. Термин «элиты» мне не нравился. Я говорил Геннадию Константиновичу, что термин этот пришел из коневодства. Кроме того, «элитность» слишком льстит нынешнему правящему слою, они очень любят это слово, очень хотят казаться чем-то прекрасным и благородным. Но Ашин умело «развел» понятия элитности и элитарности.

У нынешней темы «Элиты и нравственность» есть какой-то, я бы сказал, печальный оттенок, далеко не мемориальный. Мы обсуждаем ее в обществе, которое стремительно изживает всякую нравственность вообще. Что касается элиты, то там ни политическая мораль, ни обычная человеческая даже и не ночевали. Это выродившаяся, деградировавшая группа, относительно которой Геннадий Константинович отчетливо говорил: это квазиэлита – ни к чему непригодный сброд.

Другая особенность нашего обсуждения – тревожный фон, который создают события, вроде

бы почти радостные: ходит молодежь с плакатами, флагами, очередной декабрьский карнавал у нас в столице. Но молодые могут радоваться по юношеской наивности – они не видели перестройки, они не уяснили, как это все происходило, не знают всего закулисного механизма этого процесса. Для нас же совершенно ясно, чем кончится нынешний карнавал – нам обещают «перестройку №2». Никто не доказал, что «перестройка №1» была плюсом, все похвалы ей, написанные в книжках, – вранье участников или тех, кто оправдывал этих участников. Все кончилось крайне плохо. «Перестройка же №2» задумана как уничтожение остатков некогда большого Отечества, новая ампутация с расчленением уцелевшей на сегодня части нашей страны – России.

Впереди ожидается острый финансово-экономический кризис, и понятно, что стабильность приходит к концу. Однако недостает консолидированной альтернативы либеральному курсу, в котором и кроется главная предпосылка крайней деградации страны. Я на стороне тех, кто пытается любым путем остановить процесс распада. Я думаю, на самом деле все, что происходит на улицах, происходит не столько из недовольства людей выборами, для большинства из них все это – мелочи жизни, большинство живет не этим. Однако повседневное ухудшение социально-экономической обстановки, явный провал 20-летних реформ не заметить сложно. Это далеко не частный политический, а глубокий системный кризис. Он вызван хронической деградацией страны во всех аспектах ее жизни, плавно переходящей ныне в экономическую, а возможно, и военно-политическую катастрофу. О ней уже заговорили президент и премьер.

Мы говорим здесь сегодня о российской элите, но Бжезинский цинично изрек нашим журналистам известную формулу: «Это ваша элита? Нет, это наша элита». И он был совершенно прав. Это марионеточная в общем-то элита, которая прочно сидит на финансовых крючках, и поэтому при давлении Запада долго держаться не будет – что скажут, то и сделает. Вообще говоря, нужно создавать свою элиту, может быть, из остатков профессиональной и управленческой элиты, которые все-таки сохранились. Я видел столько замечательных людей. Но чем способнее человек, тем дальше он от власти. Привлекать людей надо из других пластов – высокопрофессионально подготовленных, они быстро ориентируются, как математик Мертон, сын знаменитого социолога, который смог получить Нобелевскую по экономике.

**Владимир Сергеевич Пляголев, д.филос.н.,
профессор кафедры философии МГИМО**

Когда мы говорим об элитах, мы с точки зрения логики находимся в очень неопределенном положении. Скажем, есть музыкальная элита, очень, уверяю вас, специфическая, есть театральная элита, я могу и дальше пойти по профессиям, по функциям и т.д. Лучшие достижения этих элит имеют всемирно-историческое значение, но когда мы прилагаем категорию «элита» к политикам, то

блеск творческих деятелей распространяется и на политические элиты. Причем часто при исследовании элит происходит вычитание того, что внесли первые, в том числе и в политику, в пользу вторых. Есть смысл задуматься, какое всемирно-историческое значение имела деятельность политика Льва Толстого (не забывайте, что Толстой – «зеркало русской революции»), политика Короленко (не забывайте опять-таки его статью «Бытовое явление», имевшую громовой политический резонанс в свое время) и, наконец, Александра Исаевича Солженицына – писателя, который, безусловно, являлся политиком. Это создает некоторый имитационный контекст, когда политической элитой присваиваются ценности, созданные за пределами собственно политической деятельности, и одновременно не воздается реальным политикам из других сфер, которые оказали влияние на духовную жизнь нашего времени. Это первое соображение, которое я бы хотел высказать.

Я бы хотел сказать, во-вторых, что Геннадий Константинович Ашин, как и Александр Федорович Шишкин, были людьми, которые одновременно осуществляли две функции. Александр Федорович все-таки сосредоточился на политике в области высшего образования, конкретнее, в области образовательной политики в Институте международных отношений. А Геннадий Константинович, как вы знаете, периодически выходил из чисто университетских рамок в политическую сферу. Наверное, старшее поколение помнит его столкновение на последней партийной конференции с Михаилом Сергеевичем Горбачевым. У нас есть также свидетели его избирательной компании в соперничестве с Юрием Черниченко за право быть избранным народным депутатом. Можно заметить, что его теоретические представления об элитах основывались не только на обобщениях, но и на личном политическом опыте.

Геннадий Константинович и тем более Александр Федорович жили в очень специфическое время, когда старая политическая элита, будь то царская или даже большевистская элита 1920–1930-х гг., к 1937 г. была практически элиминирована, а в политику пришли новые люди, за исключением Иосифа Виссарионовича и тех, кто сумел вписаться в его линию. И создатель политической элиты Советского Союза, согласно апокрифическим сообщениям, говорил о ней так: «Ребята, конечно, с неба звезд не хватают, но надежные, скажешь – сделают».

Вот эта реальность, которая присутствовала в 1930-х, в 1940-х и стала постепенно меняться в 1950-х гг., когда Геннадий Константинович выступил со своей первой публикацией, которая была посвящена роли народных масс и личности в истории. Появлению этой публикации предшествовало очень символическое событие: с огромной помпой было отпраздновано 100-летие со дня рождения Георгия Валентиновича Плеханова – в Большом театре с трансляцией на весь Советский Союз, с массой статей и т.д. Это был апрель 1956 г. В феврале уже прозвучал доклад Никиты Сергеевича Хрущева. А в начале июля появилась статья в «Правде»

о культе личности и его последствиях, явившаяся суммарным извлечением из документов, подготовленных группой Поспелова в связи с анализом деятельности Сталина.

И вот работа Геннадия Константиновича оказалась в ситуации радикального изменения сталинских методов управления обществом влиянием новой крови, новых сюжетов в нашу общественную жизнь. Стартовый этап его творчества был отмечен работой под руководством академика Марка Борисовича Митина. Митин был председателем Всесоюзного общества «Знание», а Геннадий Константинович работал у него референтом по международным вопросам, анализировал и рецензировал книжки по проблемам общественной жизни, выходящие на разных языках. Характеристика же «звезд с неба не хватают» была дана Сталиным как раз группе Митина. И надо сказать, что Геннадий Константинович планку, которая задавалась митинской традицией, непрерывно, последовательно преодолевал по мере того, как открывались новые возможности. Его творчество создавало расширенные пространства мысли.

Мне кажется, что для духовной жизни Геннадия Константиновича очень симптоматично звучат слова Федора Михайловича Достоевского, которые привел недавно скончавшийся Юрий Корякин: «Вы говорите, что нравственность человека – это последовательное следование убеждениям. Но я скажу, что вы ошибаетесь. Главное в нравственности человека – это повседневная сверка, соответствуют ли ваши сегодняшние убеждения той реальности, к которой они относятся, которая отражена в этих убеждениях». Вот эта сверка, с моей точки зрения, в духовной эволюции Геннадия Константиновича – от брошюры 1957 г. до фундаментального труда «Элитология», вышедшего за год до его кончины, – это очень интересное последовательное развитие личности.

Особенность, которая двигала Геннадием Константиновичем в его духовном разворачивании, – это неутомимая любознательность. Он был действительно ученым, что называется, от кончиков ботинок до берета. Он все время возвращался к тем ситуациям, которые уже проиграл в своих книгах, статьях, обсудил на лекциях. Он вновь и вновь дополнял, корректировал, исправлял в соответствии с теми позициями, с теми фактами, которые в данный момент попадали в поле его наблюдения.

И еще одна черта личности, которая мне кажется существенной. Геннадий Константинович и Александр Федорович очень любили искусство, очень любили то, что выражается в системе художественных образов и является носителем стремления к целостности. В значительной мере, как мне кажется, этим объясняется та самая особенность последовательного движения к лучшему. У наших учителей и у наших друзей оно занимало важное место в их внутренней жизни, в их интересах, в их сомнениях.

XVII «Shishkin's reading»: «The Elite and Morality» (memory of Gennady Ashin).